

НИКОЛАЙ

НЕКРАСОВ

Школьное

чтение

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО
СТИХОТВОРЕНИЯ

Одобрено
лучшими учителями

Издательство АСТ

Школьное чтение (АСТ)

Николай Некрасов

**Кому на Руси жить хорошо.
Стихотворения и поэмы (сборник)**

«АСТ»

1866–1876

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

Некрасов Н. А.

Кому на Руси жить хорошо. Стихотворения и поэмы (сборник)
/ Н. А. Некрасов — «АСТ», 1866–1876 — (Школьное чтение
(АСТ))

ISBN 978-5-17-109360-0

Николай Алексеевич Некрасов (1821–1878) – русский поэт, писатель и публицист. Главные свойства поэзии Некрасова – её тесная связь с национальной жизнью, близость к народу и его чаяниям, умение говорить его языком. Будучи редактором лучших русских журналов XIX века – «Современника» и «Отечественных записок», – Некрасов стоял в центре литературно-общественного движения своего времени. На страницах его журналов нашли свою славу и признание И. Тургенев, А. Гончаров, А. Островский, М. Салтыков-Щедрин. Некрасов ввёл в русскую литературу Ф. Достоевского и Л. Толстого. В сборник вошли все самые известные произведения Н.А. Некрасова: поэма «Кому на Руси жить хорошо» (1863–1876), стихотворения «Родина», «Поэт и гражданин», «Мороз, Красный нос», «Крестьянские дети», «Размышления у парадного подъезда», «Железная дорога» и другие. Ф.М. Достоевский считал, что Некрасов как поэт «...должен прямо стоять вслед за Пушкиным и Лермонтовым».

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

ISBN 978-5-17-109360-0

© Некрасов Н. А., 1866–1876

© АСТ, 1866–1876

Содержание

Стихотворения	7
В дороге	7
Перед дождем	9
Родина	10
«Ты всегда хороша несравненно...»	12
Нравственный человек	13
«Вчерашний день, часу в шестом...»	15
«Я не люблю иронии твоей...»	16
«Мы с тобой бестолковые люди...»	17
Несжатая полоса	18
«Безвестен я. Я вами не стяжал...»	20
Поэт и гражданин	21
«Внимая ужасам войны...»	30
Школьник	31
Размышления у парадного подъезда	33
На Волге	36
Крестьянские дети	43
Мороз, Красный нос	51
Часть первая	52
Часть вторая	64
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Николай Алексеевич Некрасов
Кому на Руси жить хорошо:
стихотворения и поэмы

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Стихотворения

В дороге

«Скучно! скучно!.. Ямщик удалой,
Разгони чем-нибудь мою скуку!
Песню, что ли, приятель, запой
Про рекрутский набор и разлуку;
Небылицей какой посмеши
Или, что ты видал, Расскажи —
Буду, братец, за всё благодарен».

— «Самому мне невесело, барин:
Сокрушила злодейка жена!..
Слышь ты, смолоду, сударь, она
В барском доме была учена
Вместе с барышней разным наукам,
Понимаешь-ста, шить и вязать,
На варгане играть и читать —
Всем дворянским манерам и штукам.
Одевалась не то, что у нас
На селе сарафанницы наши,
А, примерно представить, в атлас;
Ела вдоволь и меду и каши.
Вид вальяжный имела такой,
Хоть бы барыне, слышь ты, природной,
И не то что наш брат крепостной,
Тоись, сватался к ней благородный
(Слышь, учитель-ста врезамшись был,
Баит кучер, Иваныч Торопка), —
Да, знать, счастья ей Бог не судил:
Не нужна-ста в дворянстве холопка!

Вышла замуж господская дочь,
Да и в Питер... А справивши свадьбу,
Сам-ат, слышь ты, вернулся в усадьбу,
Захворал и на Троицу в ночь
Отдал Богу господскую душу,
Сиротинкой оставивши Грушу...
Через месяц приехал зятек —
Перебрал по ревизии души
И с запашки ссадил на оброк,
А потом добрался и до Груши.
Знать, она согрubiла ему
В чем-нибудь, али на просто тесно
Вместе жить показалось в дому,

Понимаешь-ста, нам неизвестно.
Воротил он ее на село —
Знай-де место свое ты, мужичка!
Взвыла девка – крутенько пришло:
Белоручка, вишь ты, белоличка!

Как на грех, девятнадцатый год
Мне в ту пору случись... посадили
На тягло – да на ней и женили...
Тоись, сколько я нажил хлопот!
Вид такой, понимаешь, суровый...
Ни косить, ни ходить за коровой!..
Грех сказать, чтоб ленива была,
Да, вишь, дело в руках не спорилось!
Как дрова или воду несла,
Как на барщину шла – становилось
Инда жалко подчас... да куды! —
Не утетишь ее и обновкой:
То натерли ей ногу коты,
То, слышь, ей в сарафане неловко.
При чужих и туда и сюда,
А украдкой ревет как шальная...
Погубили ее господа,
А была бы бабенка лихая!

На какой-то патрет всё глядит
Да читает какую-то книжку...
Инда страх меня, слышь ты, щемит,
Что погубит она и сынишку:
Учит грамоте, моет, стрижет,
Словно барченка, каждый день чешет,
Бить не бьет – бить и мне не дает...
Да недолго пострела потешит!
Слышь, как щепка худа и бледна,
Ходит, тоись, совсем через силу,
В день двух ложек не съест толокна —
Чай, свалим через месяц в могилу...
А с чего?... Видит Бог, не томил
Я ее безустанной работой...
Одевал и кормил, без пути не бранил,
Уважал, тоись, вот как, с охотой...
А, слышь, бить – так почти не бивал,
Разве только под пьяную руку...»

– «Ну, довольно, ямщик! Разогнал
Ты мою неотвязную скуку!..»

1845

Перед дождем

Заунывный ветер гонит
Стаю туч на край небес,
Ель надломленная стонет,
Глухо шепчет темный лес.

На ручей, рябой и пестрый,
За листком летит листок,
И струей сухой и острой
Набегает холодок.

Полумрак на всё ложится;
Налетев со всех сторон,
С криком в воздухе кружится
Стая галок и ворон.

Над проезжей таратайкой
Спущен верх, перед закрыт;
И «пошел!» – привстав с нагайкой,
Ямщику жандарм кричит...

⟨1846⟩

Родина

И вот они опять, знакомые места,
Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста,
Текла среди пиров, бессмысленного чванства,
Разврата грязного и мелкого тиранства;
Где рой подавленных и трепетных рабов
Завидовал житью последних барских псов,
Где было суждено мне Божий свет увидеть,
Где научился я терпеть и ненавидеть,
Но, ненависть в душе постыдно притая,
Где иногда бывал помещиком и я;
Где от души моей, довременно растленной,
Так рано отлетел покой благословенный,
И ребяческих желаний и тревог
Огонь томительный до срока сердце жег...
Воспоминания дней юности – известных
Под громким именем роскошных и чудесных, —
Наполнив грудь мою и злобой и хандрой,
Во всей своей красе проходят предо мной...

Вот темный, темный сад... Чей лик в аллее дальней
Мелькает меж ветвей, болезненно-печальный?
Я знаю, отчего ты плачешь, мать моя!
Кто жизнь твою сгубил... о! знаю, знаю я!..
Навеки отдана угрюмому невежде,
Не предавалась ты несбыточной надежде —
Тебя пугала мысль восстать против судьбы,
Ты жребий свой несла в молчании рабы...
Но знаю: не была душа твоя бесстрастна;
Она была горда, упорна и прекрасна,
И всё, что вынести в тебе достало сил,
Предсмертный шепот твой губителю простил!..

И ты, делившая с страдальцей безгласной
И горе и позор судьбы ее ужасной,
Тебя уж также нет, сестра души моей!
Из дома крепостных любовниц и псарей
Гонимая стыдом, ты жребий свой вручила
Тому, которого не знала, не любила...
Но, матери своей печальную судьбу
На свете повторив, лежала ты в гробу
С такой холодной и строгою улыбкой,
Что дрогнул сам палач, заплакавший ошибкой.

Вот серый, старый дом... Теперь он пуст и глух:
Ни женщин, ни собак, ни гаеров, ни слуг, —

А встарь?... Но помню я: здесь что-то всех давило,
Здесь в малом и большом тоскливо сердце ныло.
Я к няне убежал... Ах, няня! сколько раз
Я слезы лил о ней в тяжелый сердцу час;
При имени ее впадая в умиление,
Давно ли чувствовал я к ней благоговенье?...

Ее бессмысленной и вредной доброты
На память мне пришли немногие черты,
И грудь моя полна враждой и злостью новой...
Нет! в юности моей, мятежной и суровой,
Отрадного в душе воспоминанья нет;
Но всё, что, жизнь мою опутав с первых лет,

Проклятьем на меня легло неотразимым, —
Всему начало здесь, в краю моем родимом!..

И с отвращением кругом кидая взор,
С отрадой вижу я, что срублен темный бор —
В томящий летний зной защита и прохлада, —
И нива выжжена, и праздно дремлет стадо,
Понутив голову над высохшим ручьем,
И набок валится пустой и мрачный дом,
Где вторил звону чаш и гласу ликований
Глухой и вечный гул подавленных страданий,
И только тот один, кто всех собой давил,
Свободно и дышал, и действовал, и жил...

1846

«Ты всегда хороша несравненно...»

Ты всегда хороша несравненно,
Но когда я уныл и угрюм,
Оживляется так вдохновенно
Твой веселый, насмешливый ум;

Ты хохочешь так бойко и мило,
Так врагов моих глупых бранишь,
То, понутив головку уныло,
Так лукаво меня ты смешишь;

Так добра ты, скупая на ласки,
Поцелуй твой так полон огня,
И твои ненаглядные глазки
Так голубят и гладят меня, —

Что с тобой настоящее горе
Я разумно и кротко сношу
И вперед – в это темное море —
Без обычного страха гляжу...

1847

Нравственный человек

1

Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.
Жена моя, закрыв лицо вуалью,
Под вечерок к любовнику пошла.
Я в дом к нему с полицией прокрался
И уличил... Он вызвал – я не дрался!
Она слегла в постель и умерла,
Истерзана позором и печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

2

Приятель в срок мне долга не представил.
Я, намекнув по-дружески ему,
Закону рассудить нас предоставил;
Закон приговорил его в тюрьму.
В ней умер он, не заплатив алтына,
Но я не злюсь, хоть злиться есть причина!
Я долг ему простил того ж числа,
Почтив его слезами и печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

3

Крестьянина я отдал в повара,
Он удался; хороший повар – счастье!
Но часто отлучался со двора
И званью неприличное пристрастье
Имел: любил читать и рассуждать.
Я, утомясь грозить и распекать,
Отчески посек его, каналью;
Он взял да утопился, дурь нашла!
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

4

Имел я дочь; в учителя влюбилась
И с ним бежать хотела сгоряча.
Я погрозил проклятьем ей: смирилась
И вышла за седого богача.
Их дом блестящ и полон был как чаша;
Но стала вдруг бледнеть и гаснуть Маша
И через год в чахотке умерла,
Сразив весь дом глубокою печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла...

Январь или февраль 1847

«Вчерашний день, часу в шестом...»

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную,
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

1848 (?)

«Я не люблю иронии твоей...»

Я не люблю иронии твоей.
Оставь ее отжившим и не жившим,
А нам с тобой, так горячо любившим,
Еще остаток чувства сохранившим, —
Нам рано предаваться ей!
Пока еще застенчиво и нежно
Свидание продлить желаешь ты,
Пока еще кипят во мне мятежно
Ревнивые тревоги и мечты —
Не торопи развязки неизбежной!

И без того она недалека:
Кипим сильнее, последней жаждой полны,
Но в сердце тайный холод и тоска...
Так осенью бурливее река,
Но холодней бушующие волны...

1850

«Мы с тобой бестолковые люди...»

Мы с тобой бестолковые люди:
Что минута, то вспышка готова!
Облегченье взволнованной груди,
Неразумное, резкое слово.

Говори же, когда ты сердита,
Всё, что душу волнует и мучит!
Будем, друг мой, сердиться открыто:
Легче мир – и скорее наскучит.

Если проза в любви неизбежна,
Так возьмем и с нее долю счастья:
После ссоры так полно, так нежно
Возвращенье любви и участия...

1851

Несжатая полоса

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю выюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зерна купая в пыли!

Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,

Заяц нас топчет, и буря нас бьет...
Где же наш пахарь? чего еще ждет?

Или мы хуже других уродились?
Или не дружно цвели-колосились?

Нет! мы не хуже других – и давно
В нас налилось и созрело зерно.

Не для того же пахал он и сеял,
Чтобы нас ветер осенний развеял?...»

Ветер несет им печальный ответ:
«Вашему пахарю моченьки нет.

Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.

Плохо бедняге – не ест и не пьет,
Червь ему сердце больное сосет,

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли в щепку, повисли как плети,

Очи потускли, и голос пропал,
Что заунывную песню певал,

Как, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шел полоскою».

22–25 ноября 1854

«Безвестен я. Я вами не стяжал...»

Безвестен я. Я вами не стяжал
Ни почестей, ни денег, ни похвал,
Стихи мои – плод жизни несчастливой,
У отдыха похищенных часов,
Скрытых слез и думы боязливой;
Но вами я не восхвалял глупцов,
Но с подлостью не заключал союза,
Нет! свой венец терновый приняла,
Не дрогнув, обесславленная Муза
И под кнутом без звука умерла.

(Весна 1855)

Поэт и гражданин

Гражданин

(входит)

Опять один, опять суров,
Лежит – и ничего не пишет.

Поэт

Прибавь: хандрит и еле дышит —
И будет мой портрет готов.

Гражданин

Хорош портрет! Ни благородства,
Ни красоты в нем нет, поверь,
А просто пошлое юродство.
Лежать умеет дикий зверь...

Поэт

Так что же?

Гражданин

Да глядеть обидно.

Поэт

Ну, так уйди.

Гражданин

Послушай: стыдно!
Пора вставать! Ты знаешь сам,
Какое время наступило;
В ком чувство долга не остыло,
Кто сердцем неподкупно прям,
В ком дарованье, сила, меткость,
Тому теперь не должно спать...

Поэт

Положим, я такая редкость,
Но нужно прежде дело дать.

Гражданин

Вот новость! Ты имеешь дело,
Ты только временно уснул,
Проснись: громи пороки смело...

Поэт

А! знаю: «Вишь, куда метнул!»
Но я обстрелянная птица.
Жаль, нет охоты говорить.

(Берет книгу.)

Спаситель Пушкин! – Вот страница:
Прочти – и перестань корить!

Гражданин

(читает)

«Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,

Для звуков сладких и молитв».

Поэт

(с восторгом)

Неподражаемые звуки!..
Когда бы с Музою моей
Я был немного поумней,
Клянусь, пера бы не взял в руки!

Гражданин

Да, звуки чудные... ура!
Так поразительна их сила,
Что даже сонная хандра
С души поэта соскочила.
Душевно радуюсь – пора!
И я восторг твой разделяю,
Но, признаюсь, твои стихи
Живее к сердцу принимаю.

Поэт

Не говори же чепухи!
Ты рьяный чтец, но критик дикий.
Так я, по-твоему, – великий,
Повыше Пушкина поэт?
Скажи пожалуйста?!

Гражданин

Ну, нет!
Твои поэмы бестолковы,
Твои элегии не новы,
Сатиры чужды красоты,
Неблагородны и обидны,
Твой стих тягуч. Заметен ты,
Но так без солнца звезды видны.
В ночи, которую теперь
Мы доживаем боязливо,

Когда свободно рыщет зверь,
А человек бредет пугливо, —
Ты твердо светоч свой держал.
Но небу было неугодно,
Чтоб он под бурей запылал,
Путь освещая всенародно;
Дрожащей искрою впотьмах
Он чуть горел, мигал, метался.
Моли, чтоб солнца он дождался
И потонул в его лучах!

Нет, ты не Пушкин. Но покуда
Не видно солнца ниоткуда,
С твоим талантом стыдно спать;
Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать...

Гроза молчит, с волной бездонной
В сиянии спорят небеса,
И ветер ласковый и сонный
Едва колеблет паруса, —
Корабль бежит красиво, стройно,
И сердце путников спокойно,
Как будто вместо корабля
Под ними твердая земля.
Но гром ударил; буря стонет,
И снасти рвет, и мачту клонит, —
Не время в шахматы играть,
Не время песни распевать!
Вот пес – и тот опасность знает
И бешено на ветер лает:
Ему другого дела нет...
А ты что делал бы, поэт?
Ужель в каюте отдаленной
Ты стал бы лирой вдохновенной
Ленивцев уши услаждать
И бури грохот заглушать?

Пускай ты верен назначенью,
Но легче ль родине твоей,
Где каждый предан поклоненью
Единой личности своей?
Наперечет сердца благие,
Которым родина свята.
Бог помочь им!.. а остальные?
Их цель мелка, их жизнь пуста.
Одни – стяжатели и воры,
Другие – сладкие певцы,

А третьи... третьи – мудрецы:
Их назначенье – разговоры.
Свою особу оградя,
Они бездействуют, твердя:
«Неисправимо наше племя,
Мы даром гибнуть не хотим,
Мы ждем: авось поможет время,
И горды тем, что не вредим!»
Хитро скрывает ум надменный
Себялюбивые мечты,
Но... брат мой! кто бы ни был ты,
Не верь сей логике презренной!
Страшись их участь разделить,
Богатых словом, делом бедных,
И не иди во стан безвредных,
Когда полезным можешь быть!
Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой,
Ему нет горше укоризны...
Иди в огонь за честь отчизны,
За убеждение, за любовь...
Иди и гибни безупречно.
Умрешь не даром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь...

А ты, поэт! избранник неба,
Глашатай истин вековых,
Не верь, что не имущий хлеба
Не стоит вещей струн твоих!
Не верь, чтоб вовсе пали люди;
Не умер Бог в душе людей,
И вопль из верующей груди
Всегда доступен будет ей!
Будь гражданин! служа искусству,
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей Любви;
И если ты богат дарами,
Их выставлять не хлопочи:
В твоём труде заблещут сами
Их животворные лучи.
Взгляни: в осколки твердый камень
Убогий труженик дробит,
А из-под молота летит
И брызжет сам собою пламень!

Поэт

Ты кончил?... чуть я не уснул.
Куда нам до таких воззрений!
Ты слишком далеко шагнул.
Учить других – потребен гений,
Потребна сильная душа,
А мы с своей душой ленивой,
Самолюбивой и пугливой,
Не стоим медного гроша.
Спеша известности добиться,
Боимся мы с дороги сбиться
И тропкой торною идем,
А если в сторону свернем —
Пропали, хоть беги со света!
Куда жалка ты, роль поэта!

Блажен безмолвный гражданин:
Он, музам чуждый с колыбели,
Своих поступков господин,
Ведет их к благородной цели,
И труд его успешен, спор...

Гражданин

Не очень лестный приговор.
Но твой ли он? тобой ли сказан?
Ты мог бы правильной судить:
Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.
А что такое гражданин?
Отечества достойный сын.
Ах! будет с нас купцов, кадетов,
Мещан, чиновников, дворян,
Довольно даже нам поэтов,
Но нужно, нужно нам граждан!
Но где ж они? Кто не сенатор,
Не сочинитель, не герой,
Не предводитель, не плантатор,
Кто гражданин страны родной?
Где ты? откликнись! Нет ответа.
И даже чужд душе поэта
Его могучий идеал!
Но если есть он между нами,
Какими плачет он слезами!..

Ему тяжелый жребий пал,
Но доли лучшей он не просит:
Он, как свои, на теле носит
Все язвы родины своей.

...

...

Гроза шумит и к бездне гонит
Свободы шаткую ладью,
Поэт клянет или хоть стонет,
А гражданин молчит и клонит
Под иго голову свою.
Когда же... Но молчу. Хоть мало,
И среди нас судьба являла
Достойных граждан... Знаешь ты
Их участь?... Преклони колени!..
Лентяй! смешны твои мечты
И легкомысленные пени!
В твоём сравненье смыслу нет.
Вот слово правды беспристрастной:
Блажен болтающий поэт,
И жалок гражданин безгласный!

Поэт

Не мудрено того добить,
Кого уж добивать не надо.
Ты прав: поэту легче жить —
В свободном слове есть отрада.
Но был ли я причастен ей?
Ах, в годы юности моей,
Печальной, бескорыстной, трудной,
Короче — очень безрассудной, —
Куда ретив был мой Пегас!
Не розы — я вплетал крапиву
В его размашистую гриву
И гордо покидал Парнас
Без отвращения, без боязни
Я шел в тюрьму и к месту казни,
В суды, в больницы я входил.
Не повторю, что там я видел...
Клянусь, я честно ненавидел!
Клянусь, я искренно любил!
И что ж?... мои слышав звуки,
Сочли их черной клеветой;
Пришлось сложить смиренно руки
Иль поплатиться головой...

Что было делать? Безрассудно
Винить людей, винить судьбу.
Когда б я видел хоть борьбу,
Бороться стал бы, как ни трудно,
Но... гибнуть, гибнуть... и когда?
Мне было двадцать лет тогда!
Лукаво жизнь вперед манила,
Как моря вольные струи,
И ласково любовь сулила
Мне блага лучшие свои —
Душа пугливо отступила...
Но сколько б ни было причин,
Я горькой правды не скрываю
И робко голову склоняю
При слове: честный гражданин.
Тот роковой, напрасный пламень
Доныне сожигает грудь,
И рад я, если кто-нибудь
В меня с презреньем бросит камень.
Бедняк! и из чего поправ
Ты долг священный человека?
Какую подать с жизни взял
Ты — сын больной большого века?...
Когда бы знали жизнь мою,
Мою любовь, мои волнения...
Угрюм и полон озлобленья,
У двери гроба я стою...

Ах! песнею моей прощальной
Та песня первая была!
Склонила Муза лик печальный
И, тихо зарыдав, ушла.
С тех пор не часты были встречи:
Украдкой, бледная, придет
И шепчет пламенные речи,
И песни гордые поет.
Зовет то в города, то в степи,
Заветным умыслом полна,
Но загремят внезапно цепи —
И мигом скроется она.
Не вовсе я ее чуждался,
Но как боялся! как боялся!
Когда мой ближний утопал
В волнах существенного горя —
То гром небес, то ярость моря
Я добродушно воспевал.
Бичуя маленьких воришек
Для удовольствия больших,
Дивил я дерзостью мальчишек

И похвалой гордился их.
Под игом лет душа погнулась,
Остыла ко всему она,
И Муза вовсе отвернулась,
Презренья горького полна.
Теперь напрасно к ней взываю
Увы! сокрылась навсегда.
Как свет, я сам ее не знаю
И не узнаю никогда.
О Муза, гостьею случайной
Являлась ты душе моей?
Иль песен дар необычайный
Судьба предназначала ей?
Увы! кто знает? рок суровый
Всё скрыл в глубокой темноте.
Но шел один венок терновый
К твоей угрюмой красоте...

1855 – июнь 1856

«Внимая ужасам войны...»

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...
Увы! утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы —
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

«1855 или 1856»

ШКОЛЬНИК

– Ну, пошел же, ради Бога!
Небо, ельник и песок —
Невеселая дорога...
– Эй! садись ко мне, дружок!

Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! что за дело?
Это многих славных путь.

Вижу я в котомке книжку.
Так учиться ты идешь...
Знаю: батька на сынишку
Издержал последний грош.

Знаю: старая дьячиха
Отдала четвертачок,
Что проезжая купчиха
Подарила на чаек.

Или, может, ты дворовый
Из отпущенных?... Ну, что ж!
Случай тоже уж не новый —
Не робей, не пропадешь!

Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и Божьей воле
Стал разумен и велик.

Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезет в Москву,
Будешь в университете —
Сон свершится наяву!

Там уж поприще широко:
Знай работай да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то и знай, —

Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой,
Посреди тупых, холодных
И напыщенных собой!

Лето 1856

Размышления у парадного подъезда

Вот парадный подъезд.
По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям;
Записав свое имя и званье,
Разъезжаются гости домой,
Так глубоко довольны собой,
Что подумаешь – в том их призванье!
А в обычные дни этот пышный подъезд
Осаждают убогие лица:
Прожектеры, искатели мест,
И преклонный старик, и вдовица.
От него и к нему то и знай по утрам
Всё курьеры с бумагами скачут.
Возвращаясь, иной напевает «трам-трам»,
А иные просители плачут.
Раз я видел, сюда мужики подошли,
Деревенские русские люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свесив русые головы к груди;
Показался швейцар. «Допусти», – говорят
С выраженьем надежды и муки.
Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах.
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обутых
(Знать, брели-то долгонько они
Из каких-нибудь дальних губерний).
Кто-то крикнул швейцару: «Гони!
Наш не любит оборванной черни!»
И захлопнулась дверь. Постояв,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцар не пустил, скудной лепты не взяв,
И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: «Суди его бог!»,
Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами...

А владелец роскошных палат
Еще сном был глубоким объят...
Ты, считающий жизнью завидною

Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру...

Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.

Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не даст.
И к чему? Щелкоперов забавою
Ты народное благо зовешь;
Без него проживешь ты со славою
И со славой умрешь!
Безмятежней аркадской идиллии
Закатятся преклонные дни.
Под пленительным небом Сицилии,
В благовонной древесной тени,
Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золотя, —
Убаюканный ласковым пением
Средиземной волны, — как дитя
Ты уснешь, окружен попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);
Привезут к нам останки твои,
Чтоб почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты в могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!..

Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокоим для мелких людей?
Не на них ли нам выместить злобу? —
Безопасней... Еще веселей
В чем-нибудь приискать утешенье...
Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас провиденье
Указало... да он же привык!
За заставой, в харчевне убогой
Всё пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут... Родная земля!

Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овинном, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздаётся
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурлаки идут бечевой!..
Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля, —
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуюсь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?...

1858

На Волге (*Детство Валежникова*)

1

Не торопись, мой верный пес!
Зачем на грудь ко мне скакать?
Еще успеем мы стрелять.
Ты удивлен, что я прирос
На Волге: целый час стою
Недвижно, хмурюсь и молчу.
Я вспомнил молодость мою
И весь отдаться ей хочу
Здесь на свободе. Я похож
На нищего: вот бедный дом,
Тут, может, подали бы грош.
Но вот другой – богаче: в нем
Авось побольше подадут.
И нищий мимо; между тем
В богатом доме дворник-плут
Не наделил его ничем.
Вот дом еще пышней, но там
Чуть не прогнали по шеям!
И, как нарочно, всё село
Прошел – нигде не повезло!
Пуста, хоть выверни суму.
Тогда вернулся он назад
К убогой хижине – и рад,
Что корку бросили ему;
Бедняк ее, как робкий пес,
Подальше от людей унес
И гложет... Рано пренебрег
Я тем, что было под рукой,
И чуть не детскою ногой
Ступил за отческий порог.
Меня старались удержать
Мои друзья, молила мать,
Мне лепетал любимый лес:
Верь, нет милей родных небес!
Нигде не дышится вольней
Родных лугов, родных полей:
И той же песенкою полн
Был говор этих милых волн.
Но я не верил ничему.
Нет, – говорил я жизни той: —

Ничем не купленный покой
Противен сердцу моему...

Быть может, не достало сил,
Или мой труд не нужен был,
Но жизнь напрасно я убил,
И то, о чем дерзал мечтать,
Теперь мне стыдно вспоминать!
Все силы сердца моего
Истратив в медленной борьбе,
Не допросившись ничего
От жизни ближним и себе,
Стучусь я робко у дверей
Убогой юности моей:
– О юность бедная моя!
Прости меня, смирился я!
Не помяни мне дерзких грез,
С какими, бросив край родной,
Я издевался над тобой!
Не помяни мне глупых слез,
Какими плакал я не раз,
Твоим покоем тяготясь!
Но благодушно что-нибудь,
На чем бы сердцем отдохнуть
Я мог, пошли мне! Я устал,
В себя я веру потерял,
И только память детских дней
Не тяготит души моей...

2

Я рос, как многие, в глуши,
У берегов большой реки,
Где лишь кричали кулики,
Шумели глухо камыши,
Рядами стаи белых птиц,
Как изваяния гробниц,
Сидели важно на песке;
Виднелись горы вдалеке,
И синий бесконечный лес
Скрывал ту сторону небес,
Куда, дневной окончив путь,
Уходит солнце отдохнуть.

Я страха смолоду не знал,
Считал я братьями людей,
И даже скоро перестал

Бояться леших и чертей.
Однажды няня говорит:
«Не бегай ночью – волк сидит
За нашей ригой, а в саду
Гуляют черти на пруду!»
И в ту же ночь пошел я в сад.
Не то чтоб я чертям был рад,
А так – хотелось видеть их.
Иду. Ночная тишина
Какой-то зоркостью полна,
Как будто с умыслом притих
Весь божий мир – и наблюдал,
Что дерзкий мальчик затевал!
И как-то не шагалось мне
В всезрящей этой тишине.
Не воротиться ли домой?
А то как черти нападут
И потащат с собою в пруд,
И жить заставят под водой?
Однако я не шел назад.
Играет месяц над прудом,
И отражается на нем
Береговых деревьев ряд.
Я постоял на берегу,
Послушал – черти ни гу-гу!
Я пруд три раза обошел,
Но черт не выплыл, не пришел!
Смотрел я меж ветвей деревьев
И меж широких лопухов,
Что поросли вдоль берегов,
В воде: не спрятался ли там?
Узнать бы можно по рогам.
Нет никого! Пошел я прочь,
Нарочно сдерживая шаг.
Сошла мне даром эта ночь,
Но если б друг какой иль враг
Засел в кусту и закричал,
Иль даже, спугнутая мной,
Взвилась сова над головой, —
Наверно б мертвый я упал!
Так, любопытствуя, давил
Я страхи ложные в себе
И в бесполезной той борьбе
Немало силы погубил.
Зато добытая с тех пор
Привычка не искать опор
Меня вела своим путем,
Пока рожденного рабом
Самолюбивая судьба

Не обратила вновь в раба!

3

О Волга! после многих лет
Я вновь принес тебе привет.
Уж я не тот, но ты светла
И величава, как была.
Кругом всё та же даль и ширь,
Всё тот же виден монастырь
На острову, среди песков,
И даже трепет прежних дней
Я ощутил в душе моей,
Заслыша звон колоколов.
Всё то же, то же... только нет
Убитых сил, прожитых лет...

Уж скоро полдень. Жар такой,
Что на песке горят следы,
Рыбалки дремлют над водой,
Усевшись в плотные ряды;
Куют кузнечики, с лугов
Несется крик перепелов.
Не нарушая тишины
Ленивой, медленной волны,
Расшива движется рекой.
Приказчик, парень молодой,
Смеясь, за спутницей своей
Бежит по палубе: она
Мила, дородна и красна.
И слышу я, кричит он ей:
«Постой, проказница, ужо
Вот догоню!..» Догнал, поймал, —
И поцелуй их прозвучал
Над Волгой вкусно и свежо.
Нас так никто не целовал!
Да в подрумяненных губах
У наших барынь городских
И звуков даже нет таких.

В каких-то розовых мечтах
Я позабылся. Сон и зной
Уже царили надо мной.
Но вдруг я стоны услышал,
И взор мой на берег упал.
Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевой,

Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик —
И сердце дрогнуло во мне.

О Волга!.. колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зарям,
Когда еще всё в мире спит
И алый блеск едва скользит
По темно-голубым волнам,
Я убежал к родной реке.
Иду на помощь к рыбакам,
Катаюсь с ними в челноке,
Брожу с ружьем по островам.
То, как играющий зверок,
С высокой кручи на песок
Скачусь, то берегом реки
Бегу, бросая камешки,
И песню громкую пою
Про удаль раннюю мою...
Тогда я думать был готов,
Что не уйду я никогда
С песчаных этих берегов.
И не ушел бы никуда —
Когда б, о Волга! над тобой
Не раздавался этот вой!

Давно-давно, в такой же час,
Его услышав в первый раз,
Я был испуган, оглушен.
Я знать хотел, что значит он —
И долго берегом реки
Бежал. Устали бурлаки,
Котел с расшивы принесли,
Уселись, развели костер
И меж собою повели
Неторопливый разговор.
«Когда-то в Нижний попадем? —
Один сказал. — Когда б попасть
Хоть на Илью...» — «Авось придем, —
Другой, с болезненным лицом,
Ему ответил. — Эх, напасть!
Когда бы зажило плечо,
Тянул бы лямку, как медведь,
А кабы к утру умереть —
Так лучше было бы еще...»

Он замолчал и навзничь лег.
Я этих слов понять не мог,
Но тот, который их сказал,
Угрюмый, тихий и больной,
С тех пор меня не покидал!
Он и теперь передо мной:
Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможенные черты
И, выражающий укор,
Спокойно-безнадежный взор...

Без шапки, бледный, чуть живой,
Лишь поздно вечером домой
Я воротился. Кто тут был —
У всех ответа я просил
На то, что видел, и во сне
О том, что рассказали мне,
Я бредил. Няню испугал:
«Сиди, родименькой, сиди!
Гулять сегодня не ходи!»
Но я на Волгу убежал.

Бог весть что сделалось со мной?
Я не узнал реки родной:
С трудом ступает на песок
Моя нога: он так глубок;
Уж не манит на острова
Их ярко-свежая трава,
Прибрежных птиц знакомый крик
Зловещ, пронзителен и дик,
И говор тех же милых волн
Иною музыкою полн!

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки,
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски!..

Что я в ту пору замышлял,
Созвав товарищей-детей,
Какие клятвы я давал —
Пускай умрет в душе моей,
Чтоб кто-нибудь не осмеял!

Но если вы – наивный бред,
Обеты юношеских лет,
Зачем же вам забвенья нет?
И вами вызванный упрек

Так сокрушительно жесток?...

4

Унылый, сумрачный бурлак!
Каким тебя я в детстве знал,
Таким и ныне увидал:
Всё ту же песню ты поешь,
Всё ту же лямку ты несешь,
В чертах усталого лица
Всё та ж покорность без конца...
Прочна суровая среда,
Где поколения людей
Живут и гибнут без следа
И без урока для детей!
Отец твой сорок лет стонал,
Бродя по этим берегам,
И перед смертью не знал,
Что заповедать сыновьям.
И, как ему, – не довелось
Тебе наткнуться на вопрос:
Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее терпел?
Как он, безгласно ты умрешь,
Как он, безвестно пропадешь.
Так замечается песком
Твой след на этих берегах,
Где ты шагаешь под ярмом,
Не краше узника в цепях,
Твердя постылые слова,
От века те же: «раз да два!»
С болезненным припевом «ой!»
И в такт мотая головой...

(1860)

Крестьянские дети

Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши – живется легко.
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрел я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся веселого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,
Кричат молодые грачи,
Летит и другая какая-то птица —
По тени узнал я ворону как раз;
Чу! шепот какой-то... а вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз!
Все серые, карие, синие глазки —
Смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки,
В них столько святой доброты!
Я детского глаза люблю выражение,
Его я узнаю всегда.
Я замер: коснулось души умиление...
Чу! шепот опять!

Первый голос

Борода!

Второй

А барин, сказали!..

Третий

Потише вы, черти!

Второй

У бар бороды не бывает – усы.

Первый

А ноги-то длинные, словно как жерди.

Четвертый

А вона на шапке, гляди-тко – часы!

Пятый

Ай, важная штука!

Шестой

И цепь золотая...

Седьмой

Чай, дорого стоит?

Восьмой

Как солнце горит!

Девятый

А вона собака – большая, большая!
Вода с языка-то бежит.

Пятый

Ружье! погляди-тко: стволина двойная,
Замочки резные...

Третий

(с испугом)

Глядит!

Четвертый

Молчи, ничего! Постоим еще, Гриша!

Третий

Прибьет...

Испугались шпионы мои
И кинулись прочь: человека заслыша,
Так стай с мякины летят воробьи.
Затих я, прищурился – снова явились,
Глазенки мелькают в щели.
Что было со мною – всему подивились
И мой приговор изрекли:
«Такому-то гусю уж что за охота!
Лежал бы себе на печи!
И видно, не барин: как ехал с болота,
Так рядом с Гаврилой...» – «Услышит,
молчи!»

О милые плуты! Кто часто их видел,
Тот, верю я, любит крестьянских детей;
Но если бы даже ты их ненавидел,
Читатель, как «низкого рода людей», —
Я все-таки должен сознаться открыто,
Что часто завидую им:
В их жизни так много поэзии слито,
Как дай бог балованным деткам твоим.
Счастливый народ! Ни науки, ни неги
Не ведают в детстве они.
Я дельвал с ними грибные набег:
Раскапывал листья, обшаривал пни,
Старался приметить грибное местечко,
А утром не мог ни за что отыскать.
«Взгляни-ка, Савося, какое колечко!»

Мы оба нагнулись, да разом и хватъ
Змею! Я подпрыгнул: ужалила больно!
Савося хохочет: «Попался спроста!»
Зато мы потом их губили довольно
И клали рядком на перилы моста.
Должно быть, за подвиги славы мы ждали,
У нас же дорога большая была:
Рабочего звания люди сновали
По ней без числа.
Копатель канав вологжанин,
Лудильщик, портной, шерстобит,
А то в монастырь горожанин
Под праздник молиться катит.
Под наши густые, старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей.
Иной подгуляет, так только держися —
Начнет с Волочка, до Казани дойдет!
Чухну передразнит, мордву, черемиса,
И сказкой потешит, и притчу ввернет:
«Прощайте, ребята! Старайтесь наипаче
На господа бога во всём потрафлять:
У нас был Вавило, жил всех побогаче,
Да вздумал однажды на бога роптать, —
С тех пор захудал, разорился Вавило,
Нет меду со пчел, урожаю с земли,
И только в одном ему счастье было,
Что волосы шибко из носу росли...»
Рабочий расставит, разложит снаряды —
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
«Гляди, чертенята!» А дети и рады,
Как пилишь, как лудишь – им всё покажи.
Прохожий заснет под свои прибаутки,
Ребята за дело – пилить и строгать!
Иступят пилу – не наточишь и в сутки!
Сломают бурав – и с испугу бежать.
Случалось, тут целые дни пролетали —
Что новый прохожий, то новый рассказ...

Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали.
Вот из лесу вышли – навстречу как раз
Синеющей лентой, извилистой, длинной,
Река луговая: спрыгнули гурьбой,
И русых головок над речкой пустынной
Что белых грибов на полянке лесной!
Река огласилась и смехом, и воем:
Тут драка – не драка, игра – не игра...
А солнце палит их полуденным зноем.

Домой, ребятишки! обедать пора.
Вернулись. У каждого полно лукошко,
А сколько рассказов! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видели волка... у, страшный какой!
Ежу предлагают и мух, и козявок,
Корней молочко ему отдал свое —
Не пьет! отступились...

Кто ловит пиявок
На лаве, где матка колотит белье,
Кто нянчит сестренку двухлетнюю Глашку,
Кто тащит на пожню ведро кваску,
А тот, подвязавши под горло рубашку,
Таинственно что-то чертит по песку;
Та в лужу забила, а эта с обновой:
Сплела себе славный венок, —
Всё беленький, желтенький, бледно-лиловый
Да изредка красный цветок.
Те спят на припеке, те пляшут вприсядку.
Вот девочка ловит лукошком лошадку:
Поймала, вскочила и едет на ней.
И ей ли, под солнечным зноем рожденной
И в фартуке с поля домой принесенной,
Бояться смиренной лошадки своей?...

Грибная пора отойти не успела,
Гляди — уж чернехоньки губы у всех,
Набили оскому: черница поспела!
А там и малина, брусника, орех!
Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем, аukanьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, заковав птенцам,
Зайчонок ли вскочит — содом, суматоха!
Вот старый глухарь с облинялым крылом
В кусту завозился... ну, бедному плохо!
Живого в деревню тащат с торжеством...

«Довольно, Ванюша! гулял ты немало,
Пора за работу, родной!»
Но даже и труд обернется сначала
К Ванюше нарядной своей стороной:
Он видит, как поле отец удобряет,
Как в рыхлую землю бросает зерно.
Как поле потом зеленеть начинает,
Как колос растет, наливает зерно.
Готовую жатву подрежут серпами,
В снопы перевяжут, на ригу сvezут,

Просушат, колотят-колотят цепами,
На мельнице смелют и хлеб испекут.
Отведает свежего хлебца ребенок
И в поле охотней бежит за отцом.
Навьют ли сенца: «Полезай, постреленок!»
Ванюша в деревню въезжает царем...

Однако же зависть в дворянском дитяти
Посеять нам было бы жаль.
Итак, обернуть мы обязаны кстати
Другой стороною медаль.
Положим, крестьянский ребенок свободно
Растет, не учась ничему,
Но вырастет он, если богу угодно,
А сгнать ничто не мешает ему.
Положим, он знает лесные дорожки,
Гарцует верхом, не боится воды,
Зато беспощадно едят его мошки,
Зато ему рано знакомы труды...

Однажды, в студеную зимнюю пору
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведет под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!
«Здорово парнище!» – «Ступай себе мимо!»
– «Уж больно ты грозен, как я погляжу!»
Откуда дровишки?» – «Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу».
(В лесу раздавался топор дровосека.)
«А что, у отца-то большая семья?»
– «Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...»
– «Так вот оно что! А как звать тебя?» – «Власом».
– «А кой тебе годик?» – «Шестой миновал...
Ну, мертвая!» – крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрее зашагал.
На эту картину так солнце светило,
Ребенок был так уморительно мал,
Как будто всё это картонное было,
Как будто бы в детский театр я попал!
Но мальчик был мальчик живой, настоящий,
И дровни, и хворост, и пегонький конь,
И снег, до окошек деревни лежащий,
И зимнего солнца холодный огонь —
Всё, всё настоящее русское было,

С клеймом нелюдимою, мертвящей зимы,
Что русской душе так мучительно мило,
Что русские мысли вселяет в умы,
Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти – дави не дави,
В которых так много и злобы и боли,
В которых так много любви!

Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.
Храните свое вековое наследство,
Любите свой хлеб трудовой —
И пусть обаянье поэзии детства
Проводит вас в недра землицы родной!..

Теперь нам пора возвращаться к началу.
Заметив, что стали ребята смелей,
«Эй, воры идут! – закричал я Фингалу. —
Украдут, украдут! Ну, прячь поскорей!»
Фингалушка скорчил серьезную мину,
Под сено пожитки мои закопал,
С особым стараньем припрятал дичину,
У ног моих лег – и сердито рычал.
Обширная область собачьей науки
Ему в совершенстве знакома была;
Он начал такие выкидывать штуки,
Что публика с места сойти не могла,
Дивятся, хохочут! Уж тут не до страха!
Командуют сами! «Фингалка, умри!»
– «Не засти, Сергей! Не толкайся, Кузяха!»
– «Смотри – умирает – смотри!»
Я сам наслаждался, валяясь на сене,
Их шумным весельем. Вдруг стало темно
В сарае: так быстро темнеет на сцене,
Когда разразиться грозе суждено.
И точно: удар прогремел над сараем,
В сарай полилась дождевая река,
Актер залился оглушительным лаем,
А зрители дали стрелка!
Широкая дверь отперлась, закрипела,
Ударилась в стену, опять заперлась.
Я выглянул: темная туча висела
Над нашим театром как раз.
Под крупным дождем ребяташки бежали
Босые к деревне своей...
Мы с верным Фингалом грозу переждали
И вышли искать дупелей.

1861

Мороз, Красный нос

*Посвящаю моей сестре
Анне Алексеевне*

Ты опять упрекнула меня,
Что я с Музой моей раздружился,
Что заботам текущего дня
И забавам его подчинился.
Для житейских расчетов и чар
Не расстался б я с Музой моею,
Но бог весть, не погас ли тот дар,
Что, бывало, дружил меня с нею?
Но не брат еще людям поэт,
И тернист его путь, и непрочен,
Я умел не бояться клевет,
Не был ими я сам озабочен;
Но я знал, чье во мраке ночном
Надрывалось сердце с печали
И на чью они грудь упали свинцом,
И кому они жизнь отравляли.
И пускай они мимо прошли,
Надо мною ходившие грозы,
Знаю я, чьи молитвы и слезы
Роковую стрелу отвели...
Да и время ушло, – я устал...
Пусть я не был бойцом без упрека,
Но я силы в себе сознавал,
Я во многое верил глубоко,
А теперь – мне пора умирать...
Не затем же пускаться в дорогу,
Чтобы в любящем сердце опять
Пробудить роковую тревогу...

Присмирившую Музу мою
Я и сам неохотно ласкаю...
Я последнюю песню пою
Для тебя – и тебе посвящаю.
Но не будет она веселей,
Будет много печальнее прежней,
Потому что на сердце темней
И в грядущем еще безнадежней...

Буря воеет в саду, буря ломится в дом,
Я боюсь, чтоб она не сломила
Старый дуб, что посажен отцом,
И ту иву, что мать посадила,

Эту иву, которую ты
С нашей участью странно связала,
На которой поблекли листы
В ночь, как бедная мать умирала...

И дрожит и пестреет окно...
Чу! как крупные градины скачут!
Милый друг, поняла ты давно —
Здесь одни только камни не плачут...

Часть первая Смерть крестьянина

1

Савраска увяз в половине сугроба —
Две пары промерзлых лаптей
Да угол рогожей покрытого гроба
Торчат из убогих дровней.

Старуха в больших рукавицах
Савраску сошла понукать.
Сосульки у ней на ресницах,
С морозу — должно полагать.

2

Привычная дума поэта
Вперед забежать ей спешит:
Как саваном, снегом одета,
Избушка в деревне стоит,

В избушке — теленок в подклети,
Мертвец на скамье у окна;
Шумят его глупые дети,
Тихонько рыдает жена.

Сшивая проворной иглой
На саван куски полотна,
Как дождь, зарядивший надолго,
Негромко рыдает она.

3

Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,
Вторая – быть матерью сына раба,
А третья – до гроба рабу покоряться,
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли.
Века протекали – всё к счастью стремилось,
Всё в мире по несколько раз изменилось,
Одну только бог изменить забывал
Суровую долю крестьянки.
И все мы согласны, что тип измельчал
Красивой и мощной славянки.

Случайная жертва судьбы!
Ты глухо, незримо страдала,
Ты свету кровавой борьбы
И жалоб своих не вверяла, —

Но мне ты их скажешь, мой друг!
Ты с детства со мною знакома.
Ты вся – воплощенный испуг,
Ты вся – вековая истома!
Тот сердца в груди не носил,
Кто слез над тобою не лил!

4

Однако же речь о крестьянке
Затеяли мы, чтоб сказать,
Что тип величавой славянки
Возможно и ныне сыскать.

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивой силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц, —

Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдет – словно солнце осветит!
Посмотрит – рублем подарит!»

Идут они той же дорогой,

Какой весь народ наш идет,
Но грязь обстановки убогой
К ним словно не липнет. Цветет

Красавица, миру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.

И голод, и холод выносит,
Всегда терпелива, равна...
Я видывал, как она косит:
Что взмах – то готова копна!

Платок у ней на ухо сбился,
Того гляди косы падут.
Какой-то парнек изловчился
И кверху подбросил их, шут!

Тяжелые русые косы
Упали на смуглую грудь,
Покрыли ей ноженьки босы,
Мешают крестьянке взглянуть.

Она отвела их руками,
На парня сердито глядит.
Лицо величаво, как в раме,
Смущеньем и гневом горит...

По будням не любит безделья.
Зато вам ее не узнать,
Как сгонит улыбка веселья
С лица трудовую печать.

Такого сердечного смеха,
И песни, и пляски такой
За деньги не купишь. «Утеха!» —
Твердят мужики меж собой.

В игре ее конный не словит,
В беде не сробеет – спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!

Красивые, ровные зубы,
Что крупные перлы у ней,
Но строго румяные губы
Хранят их красу от людей —

Она улыбается редко...
Ей некогда лясы точить,
У ней не решится соседка
Ухвата, горшка попросить;

Не жалок ей нищий убогой —
Вольно ж без работы гулять!
Лежит на ней дельности строгой
И внутренней силы печать.

В ней ясно и крепко сознание,
Что всё их спасенье в труде,
И труд ей несет воздаянье:
Семейство не бьется в нужде,

Всегда у них теплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний кусок.

Идет эта баба к обедне
Пред всею семьей впереди:
Сидит, как на стуле, двухлетний
Ребенок у ней на груди,

Рядком шестилетнего сына
Нарядная матка ведет...
И по сердцу эта картина
Всем любящим русский народ!

5

И ты красотою дивила,
Была и ловка, и сильна,
Но горе тебя иссушило,
Уснувшего Прокла жена!

Горда ты — ты плакать не хочешь,
Крепишься, но холст гробовой
Слезам невольно ты мочишь,
Сшивая проворной иглой.

Слеза за слезой упадает
На быстрые руки твои.
Так колос беззвучно роняет
Созревшие зерна свои...

6

В селе, за четыре версты,
У церкви, где ветер шатает
Побитые бурей кресты,
Местечко старик выбирает;

Устал он, работа трудна,
Тут тоже сноровка нужна —

Чтоб крест было видно с дороги,
Чтоб солнце играло кругом.
В снегу до колен его ноги,
В руках его заступ и лом,

Вся в инее шапка большая,
Усы, борода в серебре.
Недвижно стоит, размышляя,
Старик на высоком бугре.

Решился. Крестом обозначил,
Где будет могилу копать,
Крестом осенился и начал
Лопатою снег разгребать.

Иные приемы тут были,
Кладбище не то, что поля:
Из снегу кресты выходили,
Крестами ложилась земля.

Согнув свою старую спину,
Он долго, прилежно копал,
И желтую мерзлую глину
Тотчас же снежок застилал.

Ворона к нему подлетела,
Потыкала носом, прошла:
Земля как железо звенела —
Ворона ни с чем убралась...

Могила на славу готова, —
«Не мне б эту яму копать!
(У старого вырвалось слово.)
Не Проклу бы в ней почивать,

Не Проклу!...» Старик оступился,
Из рук его выскользнул лом

И в белую яму скатился,
Старик его вынул с трудом.

Пошел... по дороге шагает...
Нет солнца, луна не взошла...
Как будто весь мир умирает:
Затишье, снежок, полумгла...

7

В овраге, у речки Желтухи,
Старик свою бабу нагнал
И тихо спросил у старухи:
«Хорош ли гробок-то попал?»

Уста ее чуть прошептали
В ответ старику: «Ничего».
Потом они оба молчали,
И дровни так тихо бежали,
Как будто боялись чего...

Деревня еще не открылась,
А близко – мелькает огонь.
Старуха крестом осенилась,
Шарахнулся в сторону конь —

Без шапки, с ногами босыми,
С большим заостренным колом,
Внезапно предстал перед ними
Старинный знакомец Пахом.

Прикрыты рубахою женской,
Звенели вериги на нем;
Постукал дурак деревенской
В морозную землю колом,

Потом помычал сердобольно,
Вздыхнул и сказал: «Не беда!
На вас он работал довольно!
И ваша пришла черед!»

Мать сыну-то гроб покупала,
Отец ему яму копал,
Жена ему саван сшивала —
Всем разом работу вам дал!..»

Опять помычал – и без цели

В пространство дурак побежал.
Вериги уныло звенели,
И голые икры блестели,
И посох по снегу черкал.

8

У дома оставили крышу,
К соседке свели ночевать
Зазябнувших Машу и Гришу
И стали сына обрядить.

Медлительно, важно, сурово
Печальное дело велось:
Не сказано лишнего слова,
Наружу не выдано слез.

Уснул, потрудившийся в поте!
Уснул, поработав земле!
Лежит, непричастный заботе,
На белом сосновом столе,

Лежит неподвижный, суровый,
С горящей свечой в головах,
В широкой рубахе холщовой
И в липовых новых лаптях.

Большие, с мозолями, руки,
Подъявшие много труда,
Красивое, чуждое муки
Лицо – и до рук борода...

9

Пока мертвеца обрядили,
Не выдали словом тоски,
И только глядеть избегали
Друг другу в глаза бедняки,

Но вот уже кончено дело,
Нет нужды бороться с тоской,
И что на душе накопело,
Из уст полилось рекой.

Не ветер гудит по ковыли,

Не свадебный поезд гремит —
Родные по Прокле завыли,
По Прокле семья голосит:

«Голубчик ты наш сизокрылый!
Куда ты от нас улетел?
Пригожеством, ростом и силой
Ты ровни в селе не имел.

Родителям был ты советник,
Работничек в поле ты был,
Гостям хлебосол и приветник,
Жену и детей ты любил...

Что ж мало гулял ты по свету?
За что нас покинул, родной?
Одумал ты думушку эту,
Одумал с сырою землей —

Одумал — а нам оставаться
Велел во миру, сиротам,
Не свежей водой умываться,
Слезами горячими нам!

Старуха помрет со кручины,
Не жить и отцу твоему,
Береза в лесу без вершины —
Хозяйка без мужа в дому.

Ее не жалеешь ты, бедной,
Детей не жалеешь... Вставай!
С полоски своей заповедной
По лету сберешь урожай!

Сплесни, ненаглядный, руками,
Сокольным глазком посмотри,
Тряхни шелковыми кудрями,
Сахарны уста раствори!

На радостях мы бы сварили
И меду и браги хмельной,
За стол бы тебя посадили —
Покушай, желанный, родной!

А сами напротив бы стали,
Кормилец, надежа семьи!
Очей бы с тебя не спускали,
Ловили бы речи твои...»

10

На эти рыдания и стоны
Соседи валили гурьбой:
Свечу положив у иконы,
Творили земные поклоны
И шли молчаливо домой.

На смену входили другие,
Но вот уж толпа разбрелась,
Поужинать сели родные —
Капуста да с хлебушком квас.

Старик бесполезной кручине
Собой овладеть не давал:
Подладившись ближе к лучине,
Он лапоть худой ковырял.

Протяжно и громко вздыхая,
Старуха на печку легла,
А Дарья, вдова молодая
Проведать ребяток пошла.

Всю ноченьку, стоя у свечки,
Читал над усопшим дьячок,
И вторил ему из-за печки
Пронзительным свистом сверчок.

11

Сурово метелица выла
И снегом кидала в окно,
Невесело солнце всходило:
В то утро свидетелем было
Печальной картины оно.

Савраска, запряженный в сани,
Понуро стоял у ворот;
Без лишних речей, без рыданий
Покойника вынес народ.

— Ну, трогай, саврасушка! трогай!
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!..

В торговом селе Чистополье
Купил он тебя сосунком,
Взрастил он тебя на приволье,
И вышел ты добрым конем.

С хозяином дружно старался,
На зимушку хлеб запасал,
Во стаде ребенку давался,
Травой да мякиной питался,
А тело изрядно держал.

Когда же работы кончались
И сковывал землю мороз,
С хозяином вы отправлялись
С домашнего корма в извоз.

Немало и тут доставалось —
Возил ты тяжелую кладь,
В жестокую бурю случалось,
Измучась, дорогу терять.

Видна на боках твоих впалых
Кнута не одна полоса,
Зато на дворах постоянных
Покушал ты вволю овса.

Слышал ты в январские ночи
Метели пронзительный вой
И волчьи горящие очи
Видал на опушке лесной;

Продрогнешь, натерпишься страху,
А там — и опять ничего!
Да, видно, хозяин дал маху —
Зима доконала его!..

12

Случилось в глубоком сугробе
Полсуток ему простоять,
Потом то в жару, то в ознобе
Три дня за подводой шагать:

Покойник на срок торопился
До места доставить товар.
Доставил, домой возвратился —

Нет голосу, в теле пожар!

Старуха его окатила
Водой с девяти веретен
И в жаркую баню сводила,
Да нет – не поправился он!

Тогда ворожеек созвали —
И поят, и шепчут, и трут —
Всё худо! Его продевали
Три раза сквозь потный хомут,

Спускали родимого в пролубь,
Под куричий клали насест...
Всему покорялся, как голубь, —
А плохо – не пьет и не ест!

Еще положить под медведя,
Чтоб тот ему кости размял,
Ходебщик сергачевский Федя —
Случившийся тут – предлагал.

Но Дарья, хозяйка больного,
Прогнала советчика прочь:
Испробовать средства иного
Задумала баба: и в ночь

Пошла в монастырь отдаленный
(Верстах в тридцати от села),
Где в некой иконе явленной
Целебная сила была.

Пошла, воротилась с иконой —
Больной уж безгласен лежал,
Одетый как в гроб, причащенный,
Увидел жену, простонал
И умер...

13

...Саврасушка, трогай,
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!

Чу! два похоронных удара!
Попы ожидают – иди!..

Убитая, скорбная пара,
Шли мать и отец впереди.

Ребята с покойником оба
Сидели, не смея рыдать,
И, правая савраской, у гроба
С вожжами их бедная мать

Шагала... Глаза ее впали,
И был не белей ее щек
Надетый на ней в знак печали
Из белой холстины платок.

За Дарьей – соседей, соседок
Плелась негустая толпа,
Толкуя, что Прокловых деток
Теперь незавидна судьба,

Что Дарье работы прибудет,
Что ждут ее черные дни.
«Жалеть ее некому будет», —
Согласно решили они...

14

Как водится, в яму спустили,
Засыпали Прокла землей;
Поплакали, громко повыли,
Семью пожалели, почтили
Покойника щедрой хвалой.

Сам староста, Сидор Иваныч,
Вполголоса бабам подвыл,
И «Мир тебе, Прокл Севастьяныч! —
Сказал, — благодушен ты был,

Жил честно, а главное: в сроки —
Уж как тебя бог выручал —
Платил господину оброки
И подать царю представлял!»

Истратив запас красноречья,
Почтенный мужик покряхтел:
«Да, вон она, жизнь человечья!» —
Прибавил — и шапку надел.

«Свалился... а то-то был в силе!..

Свалился... не минуть и нам!..»
Еще покрестились могиле
И с богом пошли по домам.

Высокий, седой, сухопарый,
Без шапки, недвижно-немой,
Как памятник, дедушка старый
Стоял на могиле родной!

Потом старина бородатый
Задвигался тихо по ней,
ровняя землю лопатой
Под вопли старухи своей.

Когда же, оставивши сына,
Он с бабой в деревню входил:
«Как пьяных, шатает кручина!
Гляди-тко!..» – народ говорил.

15

А Дарья домой воротилась —
Прибраться, детей накормить.
Ай-ай! как изба настудилась!
Торопится печь затопить,

Ан глядь – ни полена дровишек!
Задумалась бедная мать:
Покинуть ей жаль ребятишек
Хотелось бы их приласкать,

Да времени нету на ласки.
К соседке свела их вдова.
И тотчас, на том же савраске,
Поехала в лес, по дрова...

Часть вторая Мороз, Красный нос

16

Морозно. Равнины белеют под снегом,
Чернеется лес впереди,

Савраска плетется ни шагом, ни бегом,
Не встретишь души на пути.

Как тихо! В деревне раздавшийся голос
Как будто у самого уха гудет,
О корень древесный запнувшийся полоз
Стучит и визжит, и за сердце скребет.

Кругом – поглядеть нету мочи,
Равнина в алмазах блеснит...
У Дарьи слезами наполнились очи —
Должно быть, их солнце слепит...

17

В полях было тихо, но тише
В лесу и как будто светлей.
Чем дале – деревья всё выше,
А тени длинней и длинней.

Деревья, и солнце, и тени,
И мертвый, могильный покой...
Но – чу! заунывные пени,
Глухой, сокрушительный вой!

Осимило Дарьюшку горе,
И лес безучастно внимал,
Как стоны лились на просторе
И голос рвался и дрожал,

И солнце, кругло и бездушно,
Как желтое око совы,
Глядело с небес равнодушно
На тяжкие муки вдовы.

И много ли струн оборвалось
У бедной крестьянской души,
Навеки сокрыто осталось
В лесной нелюдимой глуши.

Великое горе вдовицы
И матери малых сирот
Подслушали вольные птицы,
Но выдать не смели в народ...

18

Не псарь по дубровушке трубит,
Гогочет, сорви-голова, —
Наплакавшись, колет и рубит
Дрова молодая вдова.

Срубивши, на дровни бросает —
Наполнить бы ей поскорей,
И вряд ли сама замечает,
Что слезы всё льют из очей:

Иная с ресницы сорвется
И на снег с размаху падет —
До самой земли доберется,
Глубокую ямку прожжет;

Другую на дерево кинет,
На плашку, — и смотришь, она
Жемчужиной крупной застынет —
Бела и кругла и плотна.

А та на глазу поблистает,
Стрелой по щеке побежит,
И солнышко в ней поиграет...
Управиться Дарья спешит,

Знай рубит, — не чувствуя стужи,
Не слышит, что ноги знобит,
И, полная мыслью о муже,
Зовет его, с ним говорит...

19

«Голубчик! красавицу нашу
Весной в хороводе опять
Подхватят подруженьки Машу
И станут на ручках качать!

Станут качать,
Кверху бросать,
Маковкой звать,
Мак отряхать!

Вся раскраснеется наша

Маковым цветиком Маша
С синими глазками, с русой косой!

Ножками бить и смеяться
Будет... а мы-то с тобой,
Мы на нее любоваться
Будем, желанный ты мой!..

20

Умер, не дожил ты веку,
Умер и в землю зарыт!

Любо весной человеку!
Солнышко ярко горит.
Солнышко всё оживило,
Божьи открылись красы,
Поле сохи запросило,
Травушки просят косы,

Рано я, горькая, встала,
Дома не ела, с собой не брала,
До ночи пашню пахала,
Ночью я косу клепала,
Утром косить я пошла...

Крепче вы, ноженьки, стойте!
Белые руки, не нойте!
Надо одной поспевать!

В поле одной-то надсадно,
В поле одной неповадно
Стану я милого звать!

Ладно ли пашню вспахала?
Выди, родимый, взгляни!
Сухо ли сено убрала?
Прямо ли стоги сметала?...
Я на граблях отдыхала
Все сенокосные дни!

Некому бабью работу поправить!
Некому бабу на разум поставить...

21

Стала скотинушка в лес убираться,
Стала рожь-матушка в колос метаться,
Бог нам послал урожай!
Нынче солома по грудь человеку,
Бог нам послал урожай!
Да не продлил тебе веку, —
Хочешь не хочешь, одна поспевай!..
Овод жужжит и кусает,
Смертная жажда томит,
Солнышко серп нагревает,
Солнышко очи слепит,
Жжет оно голову, плечи,
Ноженьки, рученьки жжет,
Изо ржи, словно из печи,
Тоже теплом обдает,
Спинушка ноет с натуги,
Руки и ноги болят,
Красные, желтые круги
Перед очами стоят...
Жни-дожинай поскорее,
Видишь – зерно потекло...

Вместе бы дело спорее,
Вместе повадней бы шло...

22

Сон мой был в руку, родная!
Сон перед Спасовым днем.
В поле заснула одна я
После полудня, с серпом,
Вижу – меня оступает
Сила – несметная рать, —
Грозно руками махает,
Грозно очами сверкает.
Думала я убежать,
Да не послушались ноги.
Стала просить я помощи,
Стала я громко кричать.

Слышу, земля задрожала —
Первая мать прибежала,
Травушки рвутся, шумят —

Детки к родимой спешат.
Шибко без ветру не машет
Мельница в поле крылом:
Братец идет да приляжет,
Свекор плетется шажком.
Все прибрели, прибежали,
Только дружка одного
Очи мои не видали...
Стала я кликать его:
«Видишь – меня оступает
Сила – несметная рать, —
Грозно руками махает,
Грозно очами сверкает:
Что не идешь выручать?...»
Тут я кругом огляделась —
Господи! Что куда делось?
Что это было со мной?...
Рати тут нет никакой!
Это не люди лихие,
Не бусурманская рать —
Это колосья ржаные,
Спелым зерном налитые,
Вышли со мной воевать!

Машут, шумят, наступают,
Руки, лицо щекотят,
Сами солому под серп нагибают —
Больше стоять не хотят!

Жать принялась я проворно,
Жну, а на шею мою
Сыплются крупные зерна —
Словно под градом стою!

Вытечет, вытечет за ночь
Вся наша матушка-рожь...
Где же ты, Прокл Севастьяныч?
Что пособлять не идешь?...

Сон мой был в руку, родная!
Жать теперь буду одна я.

Стану без милого жать,
Сноптики крепко вязать,
В сноптики слезы ронять!
Слезы мои не жемчужны,
Слезы горюшки-вдовы,
Что же вы господу нужны,
Чем ему дороги вы?...

23

«Долги вы, зимние ноченьки,
Скучно без милого спать,
Лишь бы не плакали оченьки,
Стану полотна я ткать.

Много натку я полотен,
Тонких добротных новин,
Вырастет крепок и плотен,
Вырастет ласковый сын.

Будет по нашему месту
Он хоть куда женихом,
Высватать парню невесту
Сватов надежных пошлем...

Кудри сама расчесала я Грише,
Кровь с молоком наш сынок-первенец,
Кровь с молоком и невеста... Иди же!
Благослови молодых под венец!..

Этого дня мы как праздника ждали,
Помнишь, как начал Гришуха ходить,
Целую ноченьку мы толковали,
Как его будем женить,
Стала на свадьбу копить понемногу...
Вот – дождались, слава богу!

Чу, бубенцы говорят!
Поезд вернулся назад,
Выди навстречу проворно —
Пава-невеста, соколик-жених! —
Сыпь на них хлебные зерна,
Хмелем осыпь молодых!...»

24

«Стадо у лесу у темного бродит,
Лыки в лесу пастушенко дерет,
Из лесу серый волчище выходит.
Чью он овцу унесет?

Черная туча, густая-густая,

Прямо над нашей деревней висит,
Прыснет из тучи стрела громовая,
В чей она дом сноровит?

Вести недобрые ходят в народе,
Парням недолго гулять на свободе,
Скоро – рекрутский набор!

Наш-то молодчик в семье одиночка,
Всех у нас деток Гришуха да дочка.
Да голова у нас вор —
Скажет: мирской приговор!

Сгибнет ни за что ни про что детина,
Встань, заступись за родимого сына!

Нет, не заступишься ты!..
Белые руки твои опустились,
Ясные очи навеки закрылись...
Горькие мы сироты!..

25

Я ль не молила царицу небесную?
Я ли ленива была?
Ночью одна по икону чудесную
Я не сробела – пошла,

Ветер шумит, наметает сугробы.
Месяца нет – хоть бы луч!
На небо глянешь – какие-то гробы,
Цепи да гири выходят из туч...

Я ли о нем не старалась?
Я ли жалела чего?
Я ему молвить боялась,
Как я любила его!

Звездочки будут у ночи,
Будет ли нам-то светлей?...
Заяц спрыгнул из-под кочи,
Заинька, стой! не посмей
Перебежать мне дорогу!

В лес укатил, слава богу...
К полночи стало страшней, —
Слышу, нечистая сила

Залотошила, завывла,
Заголосила в лесу.

Что мне до силы нечистой?
Чур меня! Деве пречистой
Я приношенье несу!

Слышу я конское ржанье,
Слышу волков завыванье,
Слышу погоню за мной, —

Зверь на меня не кидайся!
Лих человек не касайся,
Дорог наш грош трудовой!

Лето он жил работаючи,
Зиму не видел детей,
Ночи о нем помышляючи,
Я не смыкала очей.

Едет он, зябнет... а я-то, печальная,
Из волокнистого льну,
Словно дорога его чужедальная,
Долгую нитку тяну.

Веретено мое прыгает, вертится,
В пол ударяется.
Проклушка пеш идет, в рытвине крестится,
К возу на горочке сам припрягается.

Лето за летом, зима за зимой,
Этак-то мы раздобылись казной!

Милостив буди к крестьянину бедному,
Господи! всё отдаем,
Что по копейки, по грошику медному
Мы сколотили трудом!..

26

Вся ты, тропинка лесная!
Кончился лес.
К утру звезда золотая
С божьих небес
Вдруг сорвалась – и упала,
Дунул господь на нее,
Дрогнуло сердце мое:

Думала я, вспоминала —
Что было в мыслях тогда,
Как покатилась звезда?
Вспомнила! ноженьки стали,
Силюсь идти, а нейду!
Думала я, что едва ли
Прокла в живых я найду...

Нет! не попустит царица небесная!
Даст исцеленье икона чудесная!

Я осенилась крестом
И побежала бегом...

Сила-то в нем богатырская,
Милостив бог, не умрет...
Вот и стена монастырская!
Тень уж моя головой достает
До монастырских ворот.

Я поклонилась земным поклоном,
Стала на ноженьки, глядь —
Ворон сидит на кресте золоченом,
Дрогнуло сердце опять!

27

Долго меня продержали —
Схимницу сестры в тот день погребали.
Утренья шла,
Тихо по церкви ходили монашины,
В черные рясы наряжены,
Только покойница в белом была:

Спит – молодая, спокойная,
Знает, что будет в раю.
Поцеловала и я, недостойная,
Белую ручку твою!

В личико долго глядела я:
Всех ты моложе, нарядней, милей,
Ты меж сестер словно горлинка белая
Промежду сизых, простых голубей.

В ручках чернеются четки,
Писанный венчик на лбу.
Черный покров на гробу —

Этак-то ангелы кротки!

Молви, касатка моя,
Богу святыми устами,
Чтоб не осталася я
Горькой вдовой с сиротами!

Гроб на руках до могилы снесли,
С пеньем и плачем ее погребли.

28

Двинулась с миром икона святая,
Сестры запели, ее провожая,
Все приложились к ней.

Много владычице было почету:
Старый и малый бросали работу,
Из деревень шли за ней.

К ней выносили больных и убогих...
Знаю, владычица! знаю: у многих
Ты осушила слезу...

Только ты милости к нам не явила!
...
...

Господи! сколько я дров нарубила!
Не увезешь на возу...»

29

Окончив привычное дело,
На дровни поклала дрова,
За вожжи взялась и хотела
Пуститься в дорогу вдова.

Да вновь пораздумалась, стоя,
Топор машинально взяла
И, тихо, прерывисто воя,
К высокой сосне подошла.

Едва ее ноги держали,
Душа истомилась тоской,

Настало затишье печали —
Невольный и страшный покой!

Стоит под сосной чуть живая,
Без думы, без стога, без слез.
В лесу тишина гробовая —
День светел, крепчает мороз.

30

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи —
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит — хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идет — по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

Дорога везде чародею,
Чу! ближе подходит, седой.
И вдруг очутился над нею,
Над самой ее головой!

Забравшись на сосну большую,
По веточкам палицей бьет
И сам про себя удалую,
Хвастливую песню поет:

31

«Вглядись, молодница, смелее,
Каков воевода Мороз!
Навряд тебе парня сильнее

И краше видать привелось?

Метели, снега и туманы
Покорны морозу всегда,
Пойду на моря-окияны —
Построю дворцы изо льда.

Задумаю – реки большие
Надолго упрячу под гнет,
Построю мосты ледяные,
Каких не построит народ.

Где быстрые, шумные воды
Недавно свободно текли, —
Сегодня прошли пешеходы,
Обозы с товаром прошли.

Люблю я в глубоких могилах
Покойников в иней рядить,
И кровь вымораживать в жилах,
И мозг в голове леденить.

На горе недоброму вору,
На страх седоку и коню,
Люблю я в вечернюю пору
Затеять в лесу трескотню.

Бабенки, пеня на леших,
Домой удирают скорей.
А пьяных, и конных, и пеших
Дурачить еще веселей.

Без мелу всю выбелю рожу,
А нос запыхает огнем,
И бороду так приморожу
К вожжам – хоть руби топором!

Богат я, казны не считаю,
А всё не скудеет добро;
Я царство мое убираю
В алмазы, жемчуг, серебро.

Войди в мое царство со мною
И будь ты царицею в нем!
Поцарствуем славно зимою,
А летом глубоко уснем.

Войди! приголублю, согрею,
Дворец отведу голубой...»

И стал воевода над нею
Махать ледяной булавой.

32

«Тепло ли тебе, молодница?» —
С высокой сосны ей кричит.
«Тепло!» – отвечает вдовица,
Сама холодеет, дрожит.

Морозко спустился пониже,
Опять помахал булавой
И шепчет ей ласковей, тише:
«Тепло ли?...» – «Тепло, золотой!»

Тепло – а сама коченеет.
Морозко коснулся ее:
В лицо ей дыханием веет
И иглы колючие сеет
С седой бороды на нее.

И вот перед ней опустился!
«Тепло ли?» – промолвил опять
И в Проклушку вдруг обратился,
И стал он ее целовать.

В уста ее, в очи и плечи
Седой чародей целовал
И те же ей сладкие речи,
Что милый о свадьбе, шептал.

И так-то ли любо ей было
Внимать его сладким речам,
Что Дарьюшка очи закрыла,
Топор уронила к ногам,

Улыбка у горькой вдовицы
Играет на бледных губах,
Пушисты и белы ресницы,
Морозные иглы в бровях...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.